

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2026.1.2>

UDC 902:904(470.32)

LBC 63.442.6(234.5)-415

Submitted: 26.06.2025

Accepted: 06.08.2025

SITES WITH “YAMNAYA-REPIN TYPE” CERAMICS. PARADOXES OF HISTORIOGRAPHY, STUDY PROBLEMS, AND NEW DATA ¹

Evgenii I. Gak

State Historical Museum, Moscow, Russian Federation;
Institute of Physicochemical and Biological Problems in Soil Science of the Russian Academy of Sciences,
Pushchino, Russian Federation

Andrey M. Skorobogatov

Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to Bronze Age sites, which share a unique syncretic-looking pottery, combining the egg-shaped form characteristic of the Yamnaya culture and the ornamental pit-pearl belt of the Repin culture. As a result of the historiographical analysis of the issues of origin, chronology and attribution of these sites, significant discrepancies were found both in the use of the notion of the “Yamnaya-Repin type” and in the understanding of what it represents. Some researchers estimate the appearance of this ceramics type as a result of mutual influence of the Repin and Yamnaya cultures at the stage of their formation, while others imply it is a product of synthesis of late Repin and late Yamnaya ceramic traditions in the pre-Catacomb and early Catacomb periods. In the study of the sites of the “Yamnaya-Repin type”, two interrelated problems have been identified: 1) the state of the source base formed by household remains from mixed layers, with the resulting difficulties of absolute dating, and 2) the search for criteria for identifying a separate cultural phenomenon. The results of recent excavations of the stratified settlement of Ksizovo-1 (Upper Don region) are published as new data for its assessment, where the Yamnaya-Repin site is locally and lithologically isolated from the late Catacomb site. The examination of the Yamnaya-Repin materials from Ksizovo-1 as well as their morphological and technological analysis in the context of a wide range of analogies, leads to the conclusion that the main distribution of this ceramic style in the Don-Donets region predates the formation of the local catacomb cultures. The chronology of the later part of these settlements, according to radiocarbon data, is 2700–2500 BC and shows the process of interaction between the aboriginal (Yamnaya-Repin) and the newcomer (Catacomb) population. Their common origin indicates that the settlements with ceramics of the “Yamnaya-Repin type” were seasonal pastoral temporary camps.

Key words: Bronze Age, Repin culture, Yamnaya culture, catacomb influence, Don region, ceramics, radiocarbon analysis.

Citation. Gak E.I., Skorobogatov A.M., 2026. Pamyatniki s keramikoy «yamno-repinskogo tipa». Paradoksy istoriografii, problemy izucheniya i novye dannye [Sites with “Yamnaya-Repin Type” Ceramics. Paradoxes of Historiography, Study Problems, and New Data]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 25, no. 1, pp. 37-59. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2026.1.2>

УДК 902:904(470.32)

ББК 63.442.6(234.5)-415

Дата поступления статьи: 26.06.2025

Дата принятия статьи: 06.08.2025

ПАМЯТНИКИ С КЕРАМИКОЙ «ЯМНО-РЕПИНСКОГО ТИПА». ПАРАДОКСЫ ИСТОРИОГРАФИИ, ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И НОВЫЕ ДАННЫЕ ¹

Евгений Игоревич Гак

Государственный исторический музей, г. Москва, Российская Федерация;
Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН,
г. Пушкино, Российская Федерация

Андрей Михайлович Скоробогатов

Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена памятникам эпохи бронзы, которые объединяет своеобразная посуда синкретического облика, сочетающая яйцевидную форму, характерную для ямной культуры, и орнаментальный ямочно-жемчужный пояс, характерный для репинской культуры. В результате историографического разбора вопросов происхождения, хронологии и атрибуции этих памятников прослежены существенные различия как в использовании самого понятия «ямно-репинский тип», так и в понимании, что за ним стоит. Одни исследователи оценивают появление керамики данного типа как результат взаимовлияний репинской и ямной культур на этапе своего формирования, другие подразумевают продукт синтеза позднерепинских и позднемьянских керамических традиций в предкатакомбное и раннекатакомбное время. В изучении памятников «ямно-репинского типа» выделены две взаимообусловленные проблемы: 1) состояние источниковой базы, образованной бытовыми материалами из перемешанных слоев, с вытекающими трудностями абсолютного датирования и 2) поиск критериев идентификации самостоятельного культурного явления. В качестве новых данных для его оценки публикуются результаты недавних раскопок стратифицированного поселения Ксизово-1 (Верхнее Подонье), где ямно-репинская стоянка локально и литологически была обособлена от позднекатакомбной. Рассмотрение ямно-репинских материалов Ксизово-1 и их морфолого-технологический анализ в контексте широкого круга аналогий приводят к выводу о преимущественном распространении данного керамического стиля в Доно-Донецком регионе вплоть до сложения местных (позднедонецкой, среднедонской) катакомбных культур. Поздняя часть иллюстрирующих его памятников по радиоуглеродным данным относится к 2700–2500 гг. до н.э. и отражает процесс взаимодействия остатков аборигенного ямно-репинского населения с пришлым катакомбным. Генетические связи заставляют предполагать сезонно-скотоводческий характер стоянок с керамикой «ямно-репинского типа».

Ключевые слова: эпоха бронзы, репинская культура, ямная культура, катакомбное влияние, Подонье, керамика, радиоуглеродный анализ.

Цитирование. Гак Е. И., Скоробогатов А. М., 2026. Памятники с керамикой «ямно-репинского типа». Парадоксы историографии, проблемы изучения и новые данные // Нижневолжский археологический вестник. Т. 25, № 1. С. 37–59. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2026.1.2>

В изучении культурно-исторических процессов энеолита – бронзового века много вопросов по-прежнему вызывает образ репинской культуры, который определяется исключительно стилем керамической посуды [Синюк, 1981а]. Со времени трактовки материалов поселения Репин хутор как культурно и хронологически обособленного явления неизменно характеризующим его в представлении исследователей остается лишь классический репинский сосуд – крупный, толстостенный, с резко выделенной раструбовидной шейкой и раздутым туловом, украшенный в верхней половине горизонтальной композицией из жемчужин и отпечатков различных штампов, содержащий в глине раковинную примесь. По наличию гибридов, дериватов, реминисценций и отдельных элементов очевидно влияние репинской культуры на формирование керамических традиций двух фундаментальных общностей Восточной Европы – ямной и катакомбной. Попыткой акцентировать роль репинского компонента в культурогенезе эпохи бронзы на территории лесостепного Подонья стало

введение в научный оборот понятия «ямно-репинский тип».

Впервые это понятие было использовано А.Д. Пряхиным и А.Т. Синюком при характеристике материалов неолита и энеолита с многослойного Шиловского поселения, расположенного возле г. Воронежа. По мнению авторов, ямно-репинская керамическая группа памятника хронологически следует за позднерепинской и «связывает репинские традиции с эпохой бронзы Донской территории». Ямно-репинские сосуды разделялись на два типа по особенностям оформления венчика: со стянутым верхом (тип 1, преобладает) и относительно высоким венчиком, плавно отделяющимся от тулова уступом (тип 2). У сосудов первого типа на репинской подоснове авторы отмечали влияние «городцовской древнеямной культуры, причем не ранних ее стадий», а у сосудов второго типа – еще и раннекатакомбные черты. В итоге был сделан вывод о синкретизме данной керамической группы и ее датировке в рамках второй половины III – начала II тыс. до н.э., что синхронизировалось

тогда с позднеямными / раннекатакомбными памятниками. Вопрос культурной принадлежности оставался открытым, но в русле концепции А.Т. Синюка подчеркивалось, что происхождение керамики «ямно-репинского типа» может быть следствием полилинейности, мозаичности, многократности и временной протяженности этнокультурных взаимодействий [Пряхин, Синюк, 1980, с. 88–91].

В последующих работах А.Т. Синюка керамика «ямно-репинского типа» определялась по сочетанию репинской орнаментальной специфики (ямочно-жемчужный поясок) и ямной морфологии (яйцевидная форма с зауженным верхом) [Васильев, Синюк, 1984, рис. 19–20; Синюк, 1996, рис. 7]. Аналогичная посуда, встреченная на поселении Терновое в правобережной части лесостепного Подонья, была типологически выделена В.И. Погореловым среди материалов эпохи бронзы, которые он рассматривал как гомогенные [Погорелов, 1984]. Выделенный тип вместе с сопоставимой по форме, но катакомбной по орнаментации керамикой, в представлении автора раскопок, характеризует местный ямно-репинский субстрат и участие «в сложении среднедонской катакомбной культуры... репинского компонента, опосредованного влиянием ямных традиций» [Погорелов, 1984, с. 143–150].

Еще дальше по пути смыкания репинских и катакомбных древностей донской лесостепи прошли В.И. Беседин и Ю.П. Матвеев. Апеллируя к единственному случаю «обратной стратиграфии» в Подгорненском могильнике, они подняли вопрос репинско-катакомбного взаимодействия [Беседин, Матвеев, 2003], хотя разительный контраст обряда и керамики при странном положении фрагментов репинского сосуда на костях человека, захороненного по ямному канону, казалось бы, исключает синхронизацию. Так или иначе, возможность стыка двух культур в умах исследователей была вполне реалистичной, а рудименты репинского стиля на катакомбной и синкретичного облика посуде стали оцениваться в кругу явлений среднего бронзового века [Маслихова, 2009; Ивашов, 2015].

Вместе с этим многие исследователи степной зоны, где ямная керамика с репинскими признаками (или наоборот) маркировала памятники начала эпохи ранней бронзы,

разделяли логику присутствия репинской составляющей в ямной культуре на этапе перехода от энеолита [Васильев, 1981; Шапошникова, 1987; Моргунова, 2001; Турецкий, 2001; Богданов, 2004; и др.]. В.А. Трифонов и А.В. Николова даже предлагали выделить «репинский» период или этап в качестве раннего для ямной культуры. Посуду репинского облика из позднеямных и раннекатакомбных памятников они оценивали сквозь призму эволюционных тенденций в развитии репинских традиций [Трифонов, 1996; Николова, 2002]. Первый не давал ей конкретного названия [Трифонов, 1996, с. 5], тогда как вторая согласилась с определением ямно-репинской керамики А.Т. Синюка [Николова, 2002, с. 48]. В целом же употребление терминов «ямный», «репинский» и «катакомбный» с их производными все чаще становилось произвольным, а приложение последних к переходным типам посуды разных территорий все больше запутывало понимание миграционных и культурно-генетических процессов.

Попытавшись разобраться в этом, А.М. Скоробогатов обратил внимание, что характерный для репинской культуры ямно-жемчужный поясок встречается у сосудов яйцевидной формы на поселениях вместе с типичной ямной керамикой (Михайловское, Кзыл-Хак I, II, Шиловское, Ливенцовка I, Самсоновское, Черниково Озеро-1 и др.). Аналогичные примеры встречаемости есть в погребальных комплексах Нижнего Подонья [Файферт, 2014, с. 87, 182]. На этом основании керамика «ямно-репинского типа» и сопутствующая ей древнеямная керамика поселений, имеющая аналогии в подкурганых погребениях, была отнесена к одной культурно-хронологической группе эпохи ранней бронзы. Диапазон ее существования, опиравшийся на радиоуглеродные даты памятников, которые не содержали керамику «ямно-репинского типа», показывал очень большую протяженность и включал, по современным представлениям, первую половину среднего бронзового века. При этом репинская культура вслед за А.Т. Синюком рассматривалась в рамках позднего энеолита [Скоробогатов, 2018; 2019].

Первые ¹⁴C данные по костям животных из «слоев с ямно-репинской керамикой» были получены В.А. Манько и С.В. Телиженко для поселения Подгоровское в Подонцове.

На основании пяти дат и общих соображений авторы поместили репинскую культуру в рамки XXXV–XXIX вв. до н.э. с допуском того, что в XXVIII–XXVII вв. до н.э. репинское население сосуществовало с ямным. По сути, они отождествили ямно-репинские и позднерепинские материалы, хронологически состыковав их с раннекатакомбными [Манько, Телиженко, 2003, табл. 15, с. 61]. Такой подход во многом совпадал со взглядами А.Т. Синюка на развитие культур позднего энеолита – средней бронзы лесостепного Подонья. Параллельно П.Ф. Кузнецов, оценивая ямно-репинские датировки Подгоровского поселения сквозь призму хронологии репинской культуры, пришел к выводу, что сумма их вероятностей соответствует верхнему пределу суммы датировок, полученных по костям животных поселения Репин хутор. Тем самым вольно или невольно констатировался относительно поздний возраст ямно-репинской керамики и связанных с ней памятников [Кузнецов, 2013, с. 20].

Диаметрально противоположной точки зрения на происхождение немногочисленных примеров подобной посуды в Подонцовье придерживался С.Н. Санжаров, который вместе с соавторами увидел аналогии ей в материалах поселения Самсоновское и группы памятников «так называемой ямно-репинской керамики Среднего Дона». Керамика типа Репин хутор местных поселений относилась к репинской культуре позднего энеолита, а керамика ямной культуры – к эпохе ранней бронзы, при этом отрицалась возможность их сосуществования. Вслед за большинством исследователей репинская культура в бассейне Северского Донца датировалась по ранее принятой хронологии третьей четвертью III тыс. до н.э., а время ямных памятников сужалось до последней четверти III тыс. до н.э. [Санжаров и др., 2000, с. 97].

Дискуссионности в вопросе культурно-хронологической атрибуции керамики «ямно-репинского типа» добавил А.В. Кияшко в ходе анализа материалов многослойного поселения Раздорское I на Нижнем Дону. Применительно к «ямно-репинскому слою» автором специально подчеркивалось, что это были не равномерные отложения, а локальные линзы, содержавшие обломки посуды с пережиточной ямно-репинской орнаментацией на типичных

позднеямных / раннекатакомбных формах. Характеризуя эту керамическую группу, А.В. Кияшко указывает на такие признаки, как толстостенность, горизонтальный декор с использованием двузубчатого штампа в технике отступающей лопаточки, крупного шнура или перевитой веревочки, невысокое горло с подчеркнутым уступом, и отмечает, что они могут присутствовать у сосудов от энеолита до начальной фазы среднего бронзового века, включая «классические» репинские, позднеямные и преддонецкие раннекатакомбные памятники. Название «ямно-репинская керамика» представляется исследователю наиболее точным, если считать репинскую культуру одним из компонентов сложения позднеямных древностей [Кияшко, 2016, с. 84–85]. В совсем свежей работе он приводит позднеямные и раннекатакомбные погребения Нижнего Дона с репинскими признаками в орнаментации посуды, констатируя, что на керамике последующего периода «развитой катакомбной культуры» эти признаки «практически полностью исчезают» [Кияшко, 2025, с. 124]. Типичная форма, где они фиксируются, – яйцевидная с короткой шейкой или без нее, в общем соответствующая поселенческой посуде «ямно-репинского типа».

Краткий историографический обзор вопросов, связанных с керамикой «ямно-репинского типа», показывает существенные расхождения как в использовании самого понятия, так и в понимании того, что за ним стоит. С самого начала смысловая эволюция термина «ямно-репинский» имела определенную географическую окраску. В частности, при выделении репинской культуры воронежскими исследователями для территории лесостепного Подонья подразумевался некий «продукт» взаимодействия ее носителей с позднеямным населением в предкатакомбное и раннекатакомбное время. Самарская группа ученых восприняла новое название по-своему, а именно с позиции взаимовлияний ямной и репинской культур на этапе их формирования в степном Волго-Урале и Северном Прикаспии. Позже для этих регионов термин «ямно-репинский» стал употребляться в отношении посуды и хронологического пласта памятников начала ранней бронзы [Кузнецов, Ковалюх, 2008; Мимоход, 2009, с. 55], однако у большинства местных

специалистов по эпохе палеометалла он так и не прижился [Васильев и др., 2000; Салугина, 2005; Мочалов, 2010; Моргунова, 2014]. Современные исследователи Доно-Донецкой степи-лесостепи интерпретируют синкретичную керамику с ямными и репинскими признаками в русле воронежской историографической традиции [Ивашов, 2015; Кияшко, 2016; Скоробогатов, 2018; Ноздреватых и др., 2024]. К ее приверженцам мы относим и себя.

Анализ публикаций, где уделялось сколько-нибудь значимое внимание памятникам с керамикой «ямно-репинского типа», осветил две взаимообусловленные проблемы для идентификации данного явления как самостоятельного. Первая – состояние источниковой базы, у объектов которой до сих пор не выделены отличительные признаки. Качество бытовых остатков оставляет желать лучшего, а по погребальным комплексам нет консенсуса, к какой культуре или группе их следует относить. С этим связаны трудности абсолютного датирования: опереться на радиоуглеродные даты по органике многокомпонентных поселений мешает неоднозначность ситуативного контекста, а по керамике – системные нестыковки с археологической периодизацией, ставящие под сомнение валидность самого метода.

Вторая проблема – отсутствие четких критериев, отделяющих ямно-репинскую керамику от поздне-репинской / раннеямной / позднеямной / раннекатакомбной. Сейчас эти критерии размыты. Для их выработки требуется специальное сравнительное исследование, проведение которого, в свою очередь, осложняет острый дефицит источников, обладающих приемлемым уровнем научной информативности. Круг бытовых памятников с посудой «ямно-репинского типа» пока ограничивается 21 пунктом (рис. 1). Их список может быть дополнен случайными находками, а в будущем – переоценкой материалов некоторых «старых» раскопок. В основном ямно-репинская керамика мелко фрагментирована, лишь на отдельных памятниках представлена полными или неполными развалами сосудов. Наблюдается ее концентрация в Доно-Донецком бассейне.

Редким, если не единственным объектом, где керамика «ямно-репинского типа» занимает обособленное локально-литологи-

ческое положение, является стратифицированное поселение Ксизово-1. В основной части оно содержит бытовые остатки позднекатакомбного времени [Гак и др., 2017]. По ямно-репинскому участку опубликована лишь краткая информация [Ноздреватых и др., 2024], что делает уместным полное описание этих материалов.

Ксизово-1 находится к югу от с. Ксизово Задонского района Липецкой области на возвышении первой надпойменной террасы приустьевой части левого берега р. Сновы (правый приток Верхнего Дона). Проводившимися Е.И. Гаком и М.В. Ивашовым в 2014–2020, 2022–2023 гг. раскопками на площади около 720 кв. м были исследованы обширная хозяйственно-производственная зона поселения среднедонской катакомбной культуры и не совпадающая с ней часть поселения, которое по соответствующей керамике отнесено к «ямно-репинскому типу» (рис. 2,а). В стратиграфическом разрезе (рис. 2,в) отложения стоянок визуально неразличимы. Они залегают на материке, имеют мощность 0,2–0,4 м (А) и последовательно перекрываются делювиальным слоем мощностью до 0,5 м (Б), древней погребенной почвой мощностью 0,1–0,6 м (В) и пачкой природных наносов мощностью 1,4–1,7 м (Г).

Поселение «ямно-репинского типа» локализовано в юго-западной части памятника вблизи кромки террасы, где маркировалось отдельными находками, скоплением керамики и линзами прокала. Ближний к скоплению прокал сопровождали угольки, однако его высокая дисперсность исключает всякие трактовки. Дальний от скопления прокал имел признаки кострища, «ядро» которого диаметром 0,45 м и мощностью до 0,1 м составляли обильные рыжие прослойки и включения с угольками. От «ядра» мелкий прокал, угольки и керамика распространялись преимущественно к югу и северо-востоку. С запада к кострищу прилегал углистый слой, которым, судя по профилю, было заполнено специальное, немного прорезавшее материк углубление, очевидно, служившее для сброса пироженных отходов. Западная часть углистого слоя уходила за пределы раскопа. В выявленной части углистые включения разных размеров простирались не меньше чем на 1,5 м в плане и до 0,5 м в

глубину. Конусовидно сужавшаяся к дну яма с углистым заполнением, по-видимому, была овальной и находилась в полуметре от кострища. Длина ямы по продольной оси С – Ю достигала 1 м (рис. 2,б–г).

Скопление керамики размером 0,7 × 0,5 м включало фрагменты двух сосудов, условно названных «малый» и «большой». Малый сосуд – горшковидной формы с приостренным краем венчика и плавно отведенной короткой шейкой. Поверхность сосуда, за исключением узкой пустой полосы на шейке, покрывали сплошные ряды месяцеvidных наколов, похожих на ногтевые вдавления ребенка. Плечо было дополнительно декорировано «жемчужинами», расположенными разреженно (рис. 3,1). Большой сосуд – яйцевидной формы, с закрытым устьем и узким уплощающимся днищем. Комбинированный орнамент заполнял всю его внешнюю поверхность, включая дно. От верха с короткими ногтевыми отпечатками на срезе сосуд украшали четыре пояса из оттисков крупного шнура, плотный ряд больших «жемчужин» и два ряда коротких оттисков толстого шнура в виде изогнутых «личинки»; тулово в его наибольшем расширении опоясывали два шнуровых ряда и шнуровой зигзаг; ниже до дна опускались сплошные оттиски изогнутых «личинки», а у перехода к дну и на само дно были нанесены удлиненные ногтевые вдавления (рис. 3,2).

Вне скопления встречены фрагменты не менее 13 сосудов, по фактуре сопоставимых с двумя описанными выше. Примечательно тулово тонкостенного горшка с трехзонной орнаментацией отпечатками мелкозубчатого штампа, образующими сверху плотные, а снизу разреженные вертикальные и горизонтальные ряды (рис. 4,2). К нему, возможно, принадлежит и утолщенный венчик со скошенным внутрь краем, украшенный пересекающимися линиями таких же отпечатков (рис. 4,7). Среди определяемых по венчикам горшковидных сосудов один толстостенный с приостряющимся краем, покрытый шнуровыми и ногтевыми отпечатками, поверх которых были сделаны глубокие тычкообразные вдавления прямоугольной формы (рис. 4,3). Второй сосуд тонкостенный, с уплощенным верхом и декорированный глубокими строеными вдавлениями, образующими наклонные

прямоугольники, а ниже – рядами косых и все более плотных парных (скобковидных) наколов (рис. 4,1). Примечательна также боковая часть сосуда, орнаментированная изнутри глубокими круглыми ямками и пересекающимися отпечатками веревочки под перегибом тулова (рис. 4,5). Глубокие вдавления у описанных выше сосудов располагались на плечиках и сопровождалась жемчужными негативами. Из других орнаментальных приемов на стенках сосудов следует отметить вертикальные, горизонтальные и пересекающиеся ряды оттисков мелкозубчатого штампа, нанесенный им же елочный узор (рис. 4,6), чередующиеся ряды отпечатков полой трубочки и гладких подковообразных вдавлений (рис. 4,4), сплошные неправильные ямки, тонкие валики треугольного сечения (рис. 4,8). Отсутствие декора на сосудах компенсируют следы горизонтального заглаживания гребенкой, как у глубокой миски с диаметром верха 15 см (рис. 4,9).

Аналогии описанной посуде известны как в лесостепном Подонье, так и за его пределами [Лагодовська и др., 1962; Братченко, 1969; Гей, 1983; Васильев, Синюк, 1984; Барынкин, 1986 и др.]. При дифференциации материалов Шиловского поселения, расположенного относительно близко к Ксизово-1, сопоставимая керамика (рис. 5,а) вошла в ямно-репинскую и частично в позднерепинскую группу [Пряхин, Синюк, 1980, с. 83–92]. На поселении Терновое и ряде других памятников В.И. Погорелов атрибутировал ее как пострепинскую [Погорелов, 1984, с. 150]. Относительно многочисленные находки этой посуды также происходят из слоев Черкасской стоянки в Среднем Подонье (рис. 5,б), поселений Университетское I, II, III (рис. 5,в,г), Карамышево 9, Савицкое на р. Воронеж (Верхнее Подонье), поселений Ливенцовка I, Самсоновское, Раздорское I на Нижнем Дону (рис. 6,а). Небольшие, но выразительные коллекции ямно-репинской керамики получены с поселений Черниково Озеро-1, Сосновая Роцца, Подгоровское на Северском Донце (рис. 6,б). Географически оторваны от основной группы памятников Михайловское поселение на Днепре (рис. 6,в) и прикаспийские стоянки Кзыл-Хак I, II, раскопки которых дали обильный материал данного типа [Барынкин, 1986].

К значимым культурно-хронологическим показателям рассматриваемых сосудов относятся невысокие шейки, намечающаяся плоскостность и более плавная, чем в Репином хуторе, профилировка, что в целом характеризует посуду раннего этапа эпохи средней бронзы, когда на юге Восточной Европы получает распространение погребальный обряд ингумаций в катакомбах [Братченко, 2001; Кияшко, 2002; и др.]. Манера сплошного декорирования сосудов с комбинированием архаичных и современных приемов также отсылает к традициям раннекатакомбных культур. Особое внимание обращают на себя короткие отгибы толстого шнура в виде изогнутых личинок, расположенных плотными рядами. Подобный прием орнаментации имеет корни в энеолите [Синюк, 1981б, с. 108; Котова, 2013, с. 18] и спорадически фиксируется на керамике с разной культурно-географической привязкой [Васильев, Синюк, 1984, рис. 22, 7; Потемкина, Дегтярева, 2007, рис. 4, 1]. Но только у катакомбных сосудов он встречается массово и как единственный, и как второстепенный элемент насыщенных орнаментальных композиций. На катакомбной керамике изогнутые личинки, как правило, более изящные, чем на большом ксизовском сосуде, однако отметим, что тонкий перевитый шнур использован в орнаментации других ямно-репинских сосудов памятника.

Помимо курганной посуды, сплошные «личинок» вдавления-подковки выявлены в материалах многокомпонентных Университетских стоянок и катакомбного поселения Рыкань-3. Зафиксированная на окраине последнего керамика «ямно-репинского типа» тяготела к очагу, заполненному прокалом и углем. Сосуд, найденный в развале, имел короткое прямое горло и яйцевидное тулово со скругленным дном. Сверху две трети тулова занимал горизонтальный орнамент из двух зон трехрядного зигзага, сформированного неглубокими отгисками скобковидного штампа. Каждую зону ограничивал ряд глубоких наклонно-прямоугольных вдавлений. Вблизи развала встречен фрагмент венчика, украшенного мелкозубчатой елочкой на отогнутом крае и жемчужинами на невысокой прямой шейке [Гак, 2019, с. 31–32]. Оба сосуда (рис. 5, д) выбиваются из основной массы материалов

памятника, имеющих в основном черты более поздних керамических традиций. Определенное сходство у них наблюдается в составе формовочных масс по наличию песчаного отощителя. В глине ямно-репинской посуды Ксизово-1 песок также является выраженной примесью, иногда дополняемой шамотом и/или похожими на охру красно-бурыми включениями. Такая «запесоченность» не характерна для позднекатакомбной керамики поселения и вызывает стойкие ассоциации с посудой воронежской культуры раннего этапа, имеющей катакомбные черты [Гак, 2016, с. 83]². Все это в целом отличает посуду «ямно-репинского типа» от классических репинских сосудов, содержащих раковинную примесь [Синюк, 1981а; Барынкин, 1986; Санжаров и др., 2000; Салугина, 2005].

Вопросы абсолютной хронологии поселения «ямно-репинского типа» Ксизово-1 решались с помощью радиоуглеродного анализа методом ускорительной масс-спектрометрии (AMS). Из общего массива определений, полученных по памятнику [Гак, Кайзер, 2025], с поселением «ямно-репинского типа» есть основания связывать две даты (табл. 1). Материалом одной из них был уголь древесины дуба, найденный на востоке основной площади раскопок, материалом другой – кость КРС, взятая из слоя с прокалом у края описанного кострища. Интервалы дат накладываются на отрезке 2837–2778 cal BC (вероятность 95,4 %), но вряд ли это указывает на возраст данных артефактов. В отношении первого нельзя исключать интрузивной природы образца, особенно учитывая его нахождение в ареале катакомбной керамики, несомненно, более поздней. К тому же поправка на возраст самого дерева может существенно сдвинуть дату угля вверх. Для кости КРС какие-либо объективные причины удревнения или омоложения отсутствуют, а наибольшие вероятностные значения ее калиброванной даты укладываются в рамки 2700–2500 гг. до н.э. Этот интервал согласуется с катакомбными чертами в ямно-репинской посуде Ксизово-1 и отвечает финальным изменениям рассматриваемого типа в целом.

Радиоуглеродный возраст памятников «ямно-репинского типа» с признаками катакомбного влияния до сих пор не определялся.

Даты ямно-репинской керамики Верхнего Подонья из раскопок поселения Карамышево 9 не имеют этих признаков, сопоставимы с датами чисто репинской керамики поселений Васильевский Кордон 1, Доброе 4 и в целом более древние, чем даты Ксизово-1*. Из других определений адекватными представляются даты по костям животных «ямно-репинского» слоя в шурфе 2 Подгоровского поселения на Северском Донце [Манько, Телиженко, 2003, табл. 15]. Верхняя половина их суммарного интервала соотносится с предложенным для Ксизово-1 хронологическим диапазоном. В соответствующий ему период на территории Доно-Донецкого бассейна доминировали традиции донецкой катакомбной культуры, трансформация которых с образованием позднедонецкой и среднедонской локальных групп происходила, по всей видимости, одновременно исчезновению памятников «ямно-репинского типа». Об этом позволяет также говорить частичное наложение интервалов радиоуглеродного возраста ямно-репинского поселения Ксизово-1 и среднедонского катакомбного поселения Рыкань-3, имеющих параллели в орнаментации посуды [Гак, 2019, с. 91, рис. 45].

Переплетение ямных, репинских и катакомбных керамических традиций фиксируется в материалах, которые были выделены М.В. Ивашовым в терновский и верхнедонской типы. На севере Подонья они отождествлялись с местными группами раннекатакомбного населения [Ивашов, 2015, с. 52–71]. На керамике верхнедонского типа, в отличие от ямно-репинской, массово присутствует тесемчатый декор, что свидетельствует о разных путях культурогенеза. У сосудов терновского типа тесьма отмечена лишь однажды [Погорелов, 1984, рис. 8, 17, с. 145]³, в остальном они имеют ямно-репинские, а не катакомбные черты (рис. 7). Просмотр коллекции эпонимного памятника показал соответствие керамики терновского типа ямно-репинскому. На Терновом эта керамика достаточно однородна: устья сосудов стянутые; цвет от темно-желтого до светло-коричневого с обработкой внутренних поверхностей горизонтальными расчесами и заглаживанием венчика; тесто запесочено, с примесью органики и бурыми вкраплениями (охристая крошка, по В.И. По-

горелову). Орнаментация сосудов тоже стандартизирована – горизонтальные ряды коротких отгисков гребенки (3–4 зубца), гладкого изогнутого штампа, шнура. Из орнаментальных мотивов присутствуют горизонтальная «елочка» и ямочно-жемчужные пояски, несколько венчиков имеют «воротничковое» оформление. Обломки настолько малы, что по ним нельзя реконструировать формы сосудов. При наличии жилых и хозяйственных объектов на памятнике лепная керамика ни разу не встречена в скоплениях или развалах⁴.

Таким образом, посуда терновского и ямно-репинского типов не имеет принципиальных морфолого-технологических различий, являясь результатом тех же самых культурно-генетических процессов. В этой логике может решаться и вопрос происхождения жемчужной орнаментации у катакомбных сосудов, на которых, учитывая хронологический зазор, она не могла оказаться непосредственно от репинской культуры, а только через носителей ямно-репинского керамического стиля. Аналогичным путем у ямно-репинской керамики появились катакомбные черты. В этом свете не случайна близость морфологии сосудов верхнедонского типа к ямным и ямно-репинским, а не классическим репинским сосудам с высокими и массивными желобчатыми шейками. Визитной карточкой раннекатакомбной керамики на Верхнем Дону являются «встречные» жемчужины, подтверждающие ее культурную специфику. Примечательно и отсутствие посуды с характерными репинскими (а не ямными или ямно-репинскими) признаками на однослойных катакомбных поселениях и в катакомбных погребальных комплексах. Причем последние не демонстрируют прямых культурных контактов «репинцев» и «катакомбников», подобно встречаемости, к примеру, катакомбных и фатьяновско-балановских сосудов [Желудков, Смольянинов, 2019].

Из всего вышесказанного следует, что между репинской и локальными катакомбными культурами в Доно-Донецком регионе (позднедонецкой, среднедонской) имеется немалый временной разрыв. Его заполняют памятники ямной культуры и «ямно-репинского типа», поздняя часть которых отражает взаимодействие местного (ямно-репинского) населения

с пришлым (катакомбным). При видимой значимости показателей этого процесса фактическое влияние катакомбной экспансии в северных, лесостепных районах не стоит преувеличивать. Судя по керамике, оно ограничивалось отдельными заимствованиями на сформировавшейся в результате ямно-репинского симбиоза подоснове. Дальнейшая судьба самобытной группы носителей ямно-репинского керамического стиля, как и других культурных групп раннекатакомбного времени, не вполне ясна. В лесостепном Подонье, вероятно, все они растворились в среднедонской катакомбной культуре. Рудиментами репинских традиций в ее керамическом комплексе, в частности, являются жемчужины, комбинирующие с прочерченным орнаментом на характерных формах сосудов [Маслихова, 2009, с. 24].

В заключение целесообразно задаться вопросом, как интерпретировать памятники «ямно-репинского типа». Повсеместно отмечаемая компактная локализация и малочисленность фрагментированной керамики считаются показателями кратковременных стоянок. О непродолжительности обитания в Ксизово-1 говорит характер следов ведения домашнего хозяйства, с которым, кроме посуды и редких костей животных, есть основания связывать только сработанный скребок (рис. 4,10), патинированный обломок какого-то орудия (рис. 4,11) и отщеп без вторичной обработки из разных пород кремня. Кострище также не производит впечатления стационарности и долговременного использования. Учитывая происхождение от пастушеских культур, можно предполагать сезонно-скотоводческое назначение стоянок, и не только тех, что занимали высокие берега рек [Погорелов, 1984, с. 151; Синюк, 1996, с. 77], но и расположенных, как Ксизово-1, на низменных участках.

С вводом в научный оборот небольших по объему новых материалов проблемы изучения памятников «ямно-репинского типа», разумеется, не могут быть исчерпаны. Однако факт культурного явления, которое стоит за этим понятием, теперь имеет более весомое документальное подтверждение.

БЛАГОДАРНОСТИ

* Благодарим Р.В. Смольянинова за ознакомление с материалами и датами по керамике поселений Карамышево 9, Васильевский Кордон 1, Доброе 4.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда № 25-28-00214 «Ландшафтный дуализм поселений катакомбного времени лесостепного Подонья в контексте хозяйственных моделей и адаптационных стратегий населения юга Восточноевропейской равнины».

The study was conducted with the financial support of the Russian Science Foundation project № 25-28-00214 “The landscape dualism of the Catacomb period sites of the forest-steppe Don region in the context of economic models and adaptation strategies of the population of the south of the Eastern European Plain”.

² На связь с катакомбно-воронежскими керамическими традициями как будто указывают и валики у одного из ямно-репинских сосудов Ксизово-1.

³ Часть керамики поселения Терновое имеет несомненный катакомбный облик, но эта керамика не относится к терновскому типу (тип 3 по В.И. Погорелову).

⁴ Вопреки мнению автора раскопок, более вероятно, что выявленные им углубленные сооружения принадлежали населению, оставившему средневековую керамику.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица 1. Радиоуглеродные даты поселений с керамикой «ямно-репинского типа» Ксизово-1 и Подгоровское

Table 1. Radiocarbon dates of settlements with ceramics of the “Yamnaya-Repin type” Ksizovo-1 and Podgorovskoye

№ п/п	Паспорт образца	Лаб. номер	Материал образца	Возраст ^{14}C ВР	cal BC (σ 95.4 %)	Источник
1	Ксизово-1, основной раскоп	Poz-155171	Уголь (дуб)	4290 ± 40	3022 (92.6 %) 2870 2800 (2.8 %) 2778	[Гак, Кайзер, 2025]
2	Ксизово-1, западный раскоп	Poz-172831	Кость КРС	4050 ± 30	2837 (2.9 %) 2818 2668 (92.6 %) 2472	[Гак, Кайзер, 2025]
3	Подгоровское, шурф 2	Ki-7839	Кость животного	4130 ± 60	2879–2571 2517–2499	[Манько, Телиженко, 2003]
4	Подгоровское, шурф 2	Ki-7840	Кость животного	4205 ± 60	2909–2657 2655–2621 2607–2599	[Манько, Телиженко, 2003]

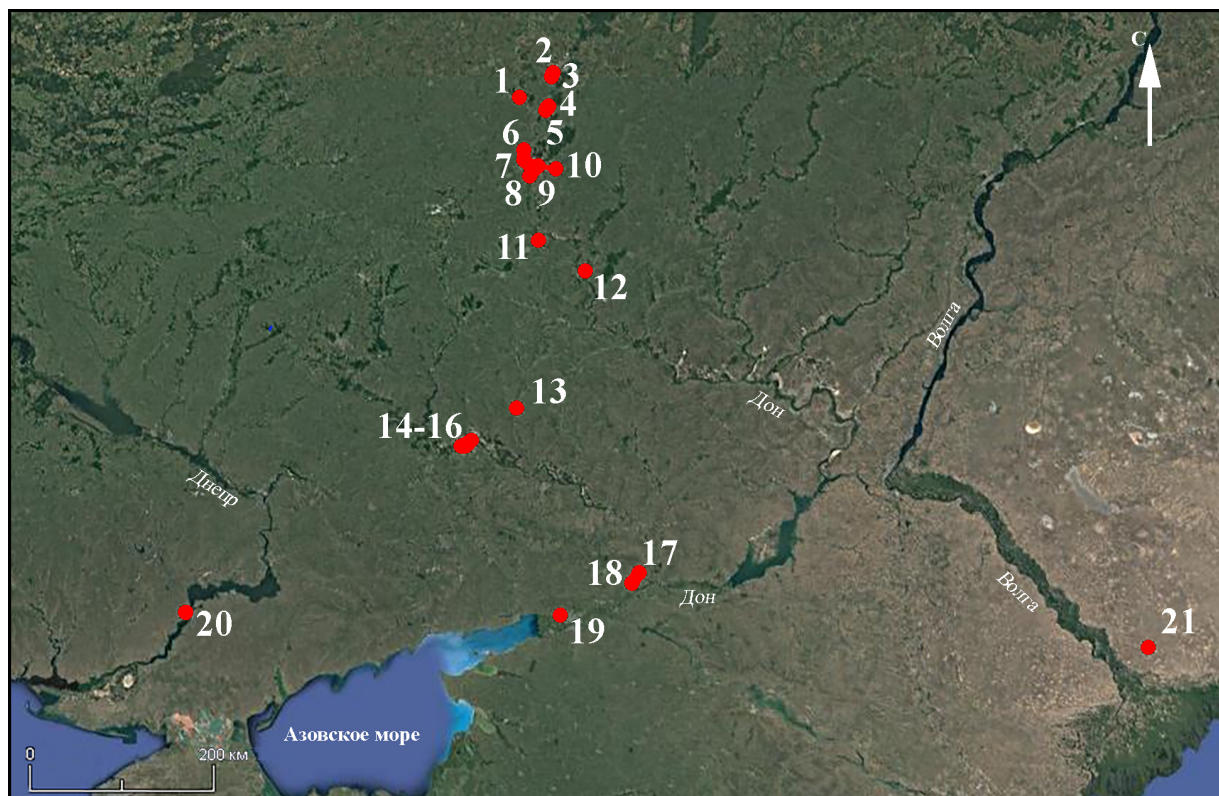

Рис. 1. Карта поселений с керамикой «ямно-репинского типа» (составитель А. Скоробогатов):

- 1 – Ксизово-1; 2 – Большой Липяг; 3 – Карамышево-9; 4 – Савицкое; 5 – Пристань-1; 6 – Терновое; 7 – Семилукское городище; 8 – Шиловское; 9 – Университетское I, II; 10 – Рыкань-3; 11 – Дармодехинская-1; 12 – Черкасская; 13 – Подгоровское; 14 – Сосновая Роща; 15 – Клешня-3; 16 – Черниково Озеро-1; 17 – Самсоновское; 18 – Раздорское I; 19 – Ливенцовка I; 20 – Михайловское; 21 – Кызыл-Хак I, II

Fig. 1. Map of settlements with “Yamnaya-Repin type” ceramics (compiled by A. Skorobogatov):

- 1 – Ksizovo-1; 2 – Bolshoy Lipyag; 3 – Karamyshevo-9; 4 – Savitskoye; 5 – Pristan-1; 6 – Ternovoe; 7 – Semiluki hillfort; 8 – Shilovskoye; 9 – Universitetskoye I, II; 10 – Rykan-3; 11 – Darmodehinskaya-1; 12 – Cherkasskaya; 13 – Podgorovskoye; 14 – Sosnovaya Roshcha; 15 – Kleshnya-3; 16 – Chernikovo Ozero-1; 17 – Samsonovskoye; 18 – Razdorskoye I; 19 – Liventsovka I; 20 – Mikhailovskoye; 21 – Kyzyl-Khak I, II

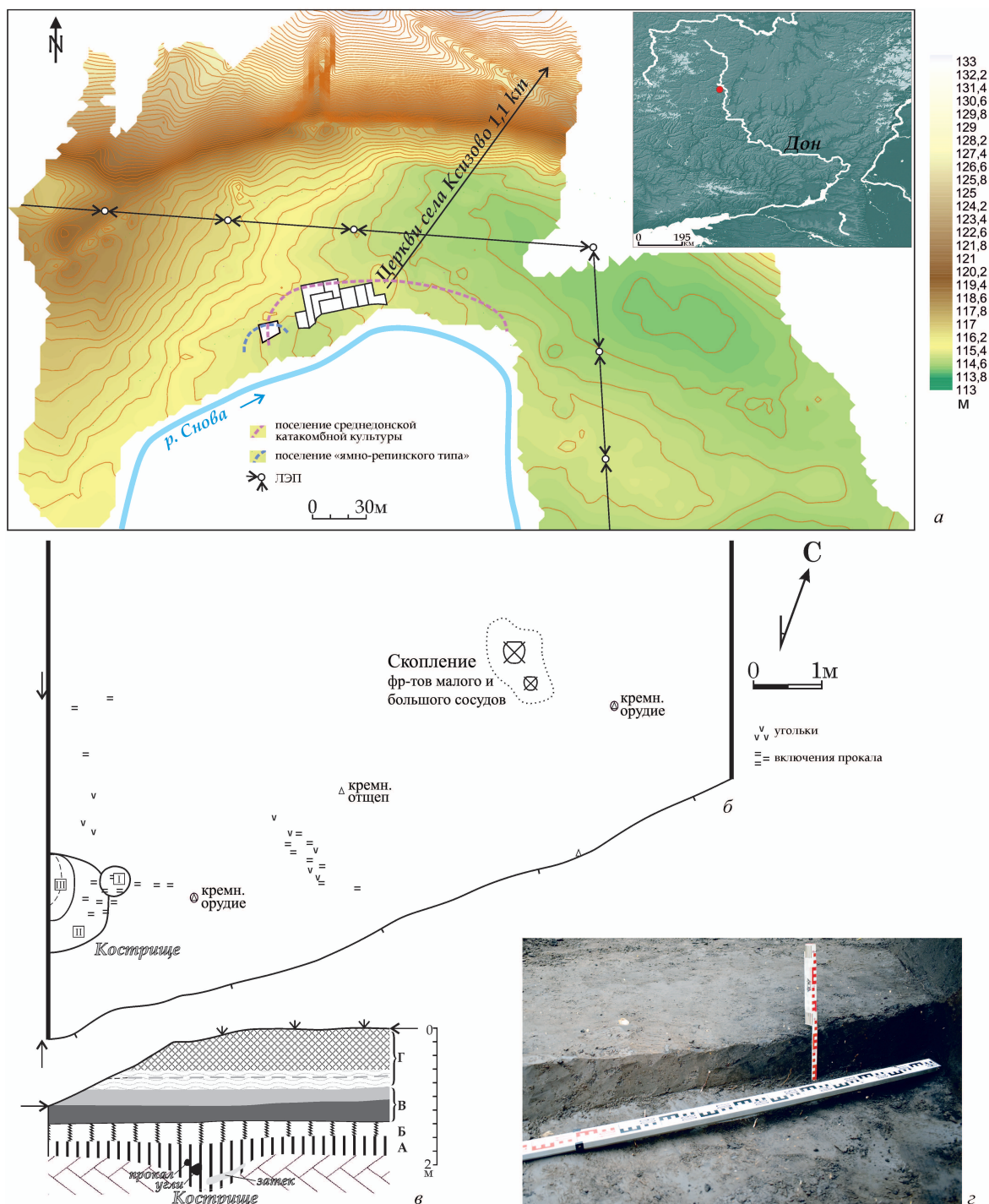

Рис. 2. Ксизово-1 (рисунки и фото Е. Гака):

- a* – карта с расположением памятника и топографический план с раскопами и границами поселений эпохи бронзы;
- б* – план западного раскопа с керамикой «ямно-репинского типа».
- I* – вкрапления и линзы прокала с угольками. *II* – углистые включения и пятна.
- III* – углистая линза; *в* – стратиграфический разрез (часть профиля западной стенки западного раскопа);
- z* – кострище (фото с севера)

Fig. 2. Ksizovo-1 (drawings and photos by E. Gak):

- a* – a map showing the location of the site and a topographic plan with excavations and the area of the Bronze Age settlements;
- б* – a plan of the western excavation site with ceramics of the “Yamnaya-Repin type”.
- I* – inclusions and lenses of calcination with coals. *II* – carbonaceous inclusions and spots.
- III* – carbonaceous lens; *в* – stratigraphic section (part of the profile of the western wall of the western excavation site);
- z* – fire pit (photo from the north)

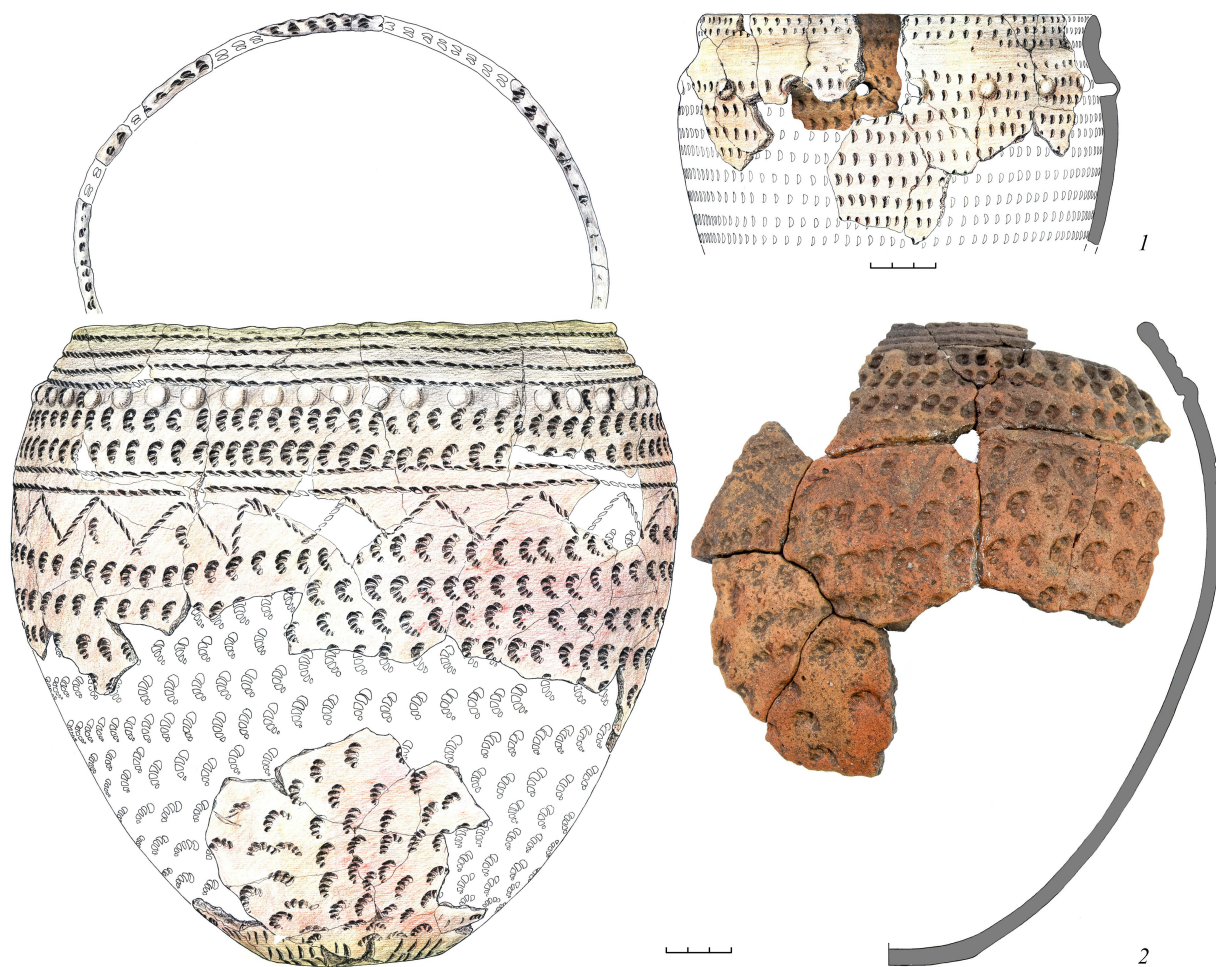

Рис. 3. Ксизово-1. Керамика «ямно-репинского типа». Малый и большой сосуды, восстановленные из скопления фрагментов (рисунки С. Богаченко, фото К. Морозова)

Fig. 3. Ksizovo-1. "Yamnaya-Repin type" ceramics. Small vessel and large vessel, restored from a cluster of fragments (drawings by S. Bogachenko, photo by K. Morozov)

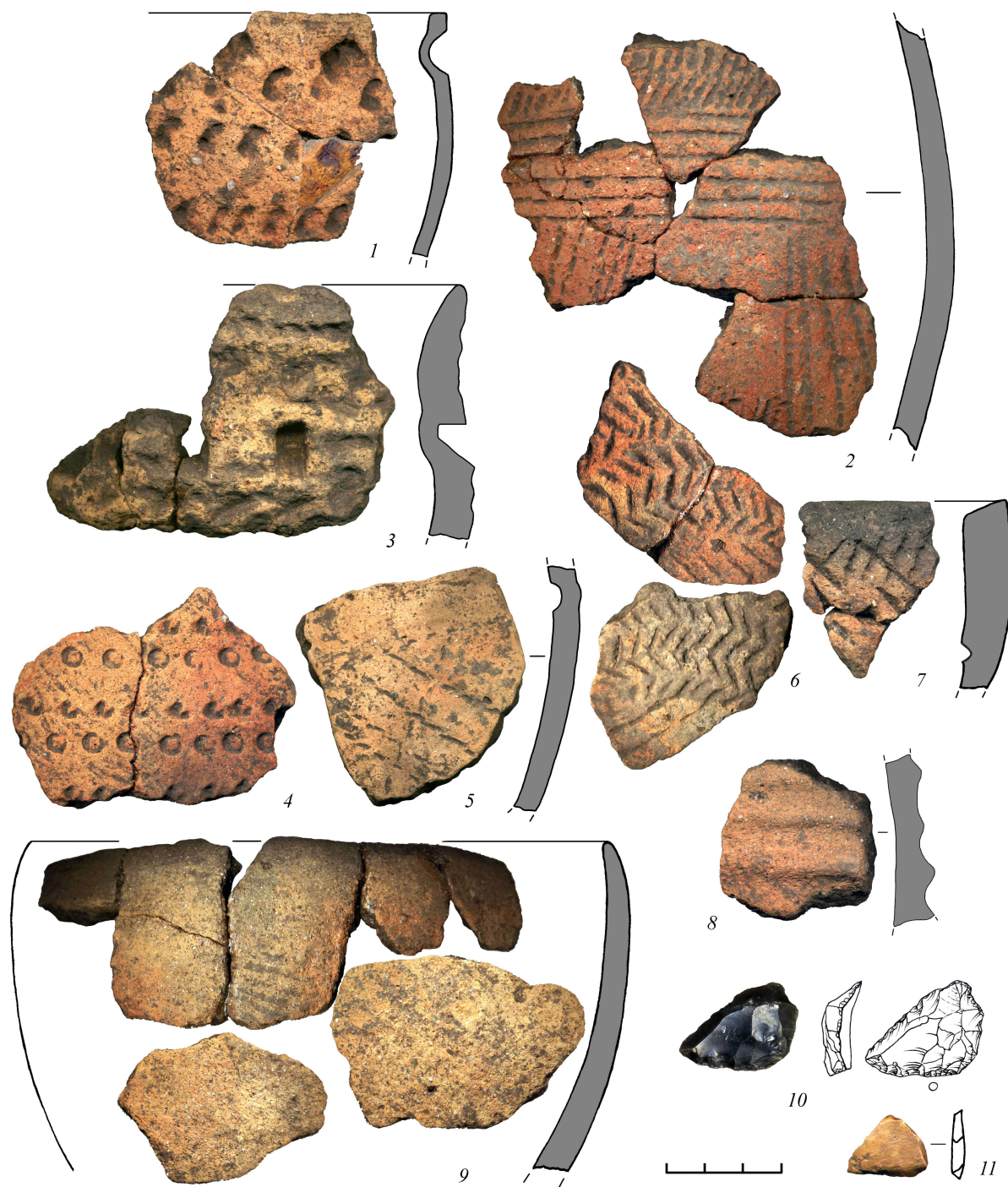

Рис. 4. Ксизово-1. Керамика «ямно-репинского типа» (1–9) и орудия из кремня (10, 11)
(фото Е. Гака, рисунок С. Богаченко)

Fig. 4. Ksizovo-1. "Yamnaya-Repin type" ceramics (1–9) and flint tools (10, 11)
(photos by E. Gak, drawing by S. Bogachenko)

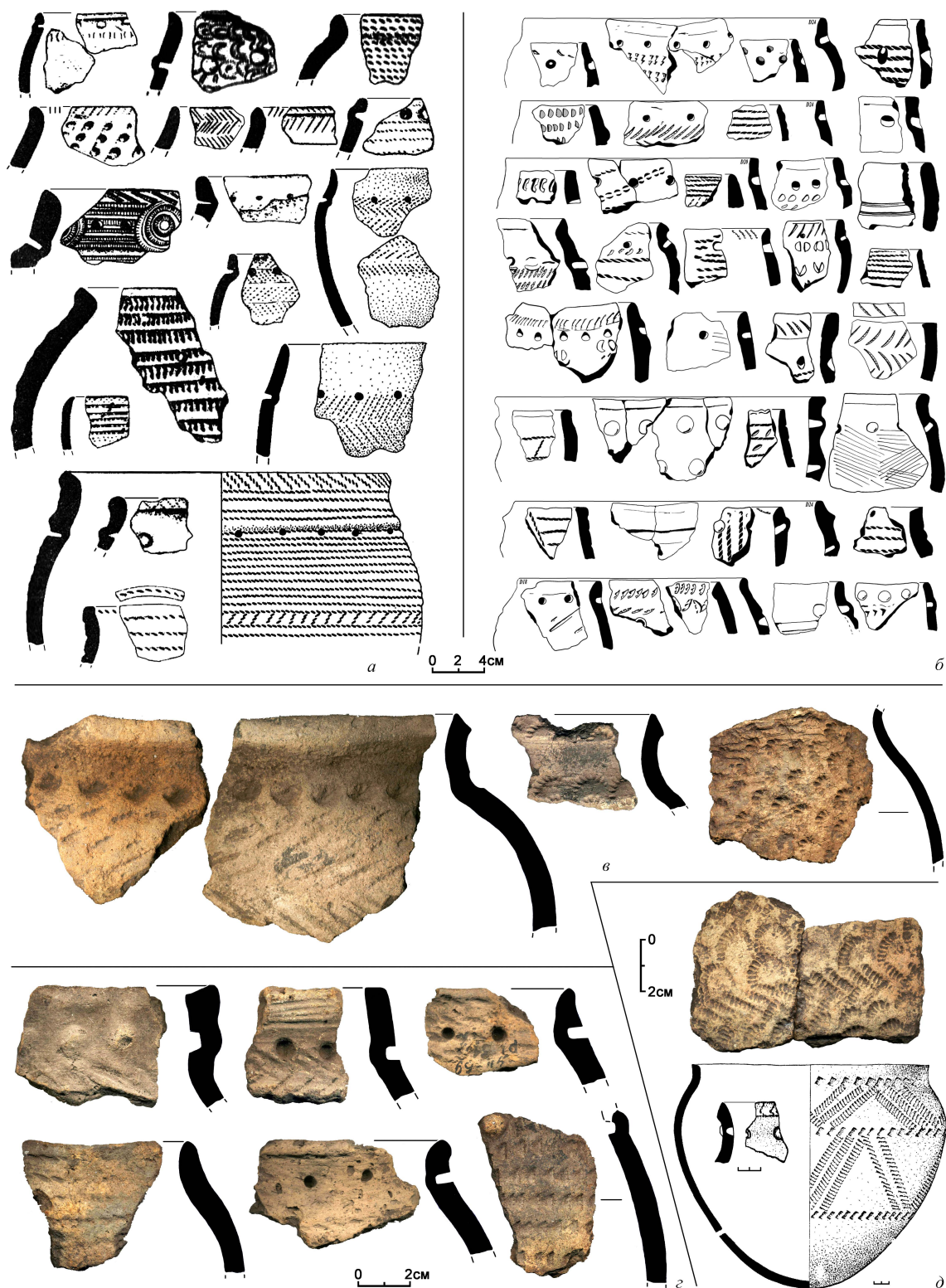

Рис. 5. Керамика «ямно-репинского типа» из раскопок поселений:

а – Шиловское (по: [Пряхин, Синюк, 1980, рис. 10, 11]); б – Черкасская (по: [Скоробогатов, 2018, рис. 1]);
 в – Университетское I (фото Е. Гака); г – Университетское II (фото Е. Гака); д – Рыкань-3 (по: [Гак, 2019, рис. 45])

Fig. 5. “Yamnaya-Repin type” ceramics from excavations of settlements:

а – Shilovskoye (after: [Pryakhin, Sinyuk, 1980, fig. 10, 11]); б – Cherkasskaya (after: [Skorobogatov, 2018, fig. 1]);
 в – Universitetskoye I (photos by E. Gak); г – Universitetskoye II (photos of E. Gak); д – Rykan-3 (after: [Gak, 2019, fig. 45])

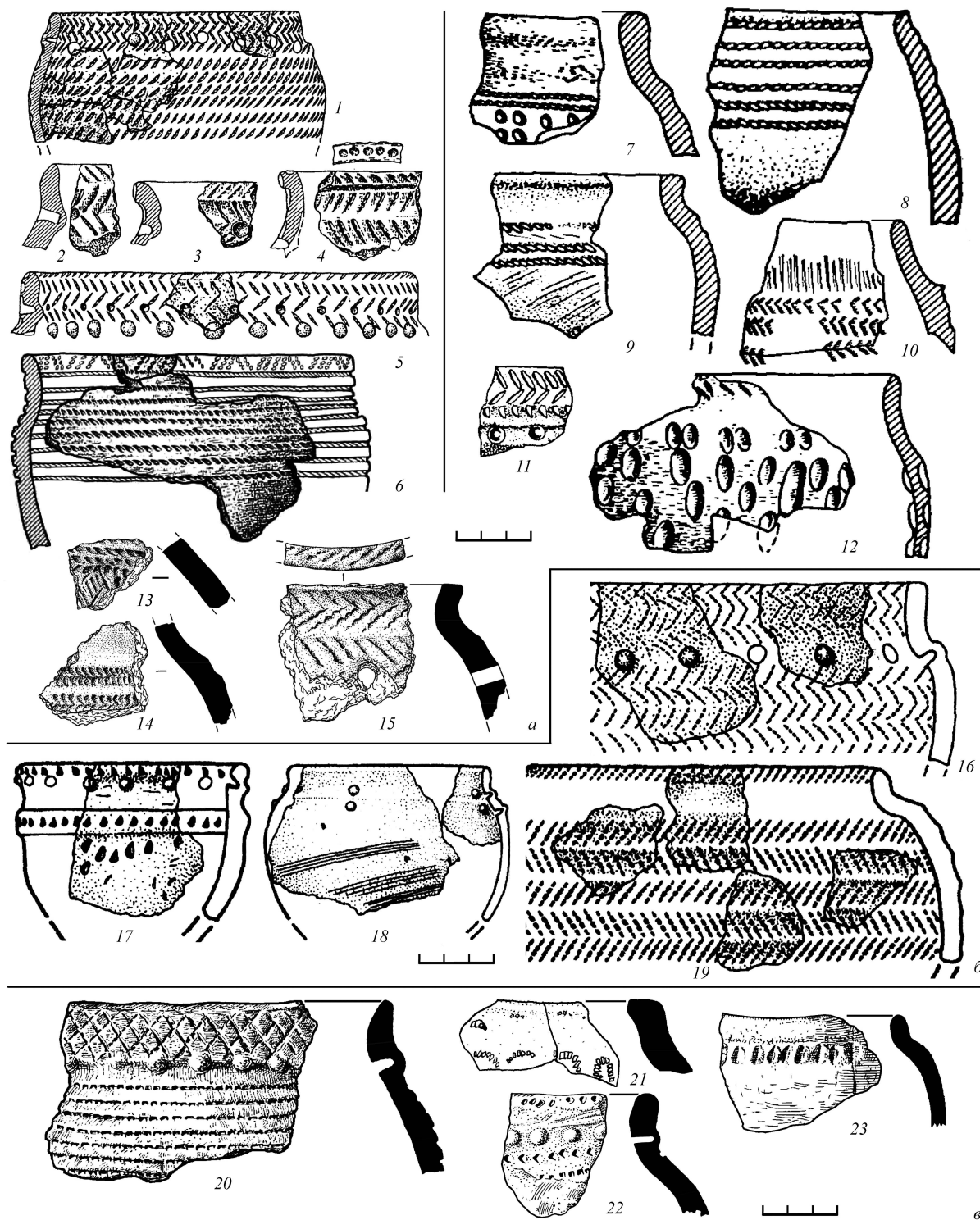

Рис. 6. Керамика «ямно-репинского типа» из раскопок поселений:

a – Самсоновское (1–6), Ливенцовка I (7–12), Раздорское I (13–15) (по: [Гей, 1983, рис. 11, 12, 15–18; Братченко, 1969, рис. 4; Кияшко, 2016, рис. 1]); *б* – Сосновая Роща (16), Черниково Озеро-1 (17–19) (по: [Санжаров и др., 2000, рис. 29, 40]); *в* – Михайловское (20–23) (по: [Лагодовська и др., 1962, табл. IX, рис. 32])

Fig. 6. "Yamnaya-Repin type" ceramics from excavations of settlements:

a – Samsonovskoye (1–6), Liventsovka I (7–12), Razdorskoye I (13–15) (after: [Gey, 1983, fig. 11, 12, 15–18; Bratchenko, 1969, fig. 4; Kiyashko, 2016, fig. 1]); *б* – Sosnovaya Roshcha (16), Chernikovo Ozero-1 (17–19) (after: [Sanzharov et al., 2000, fig. 29, 40]); *в* – Mikhailovskoye (20–23) (after: [Lagodovska et al., 1962, tab. IX, fig. 32])

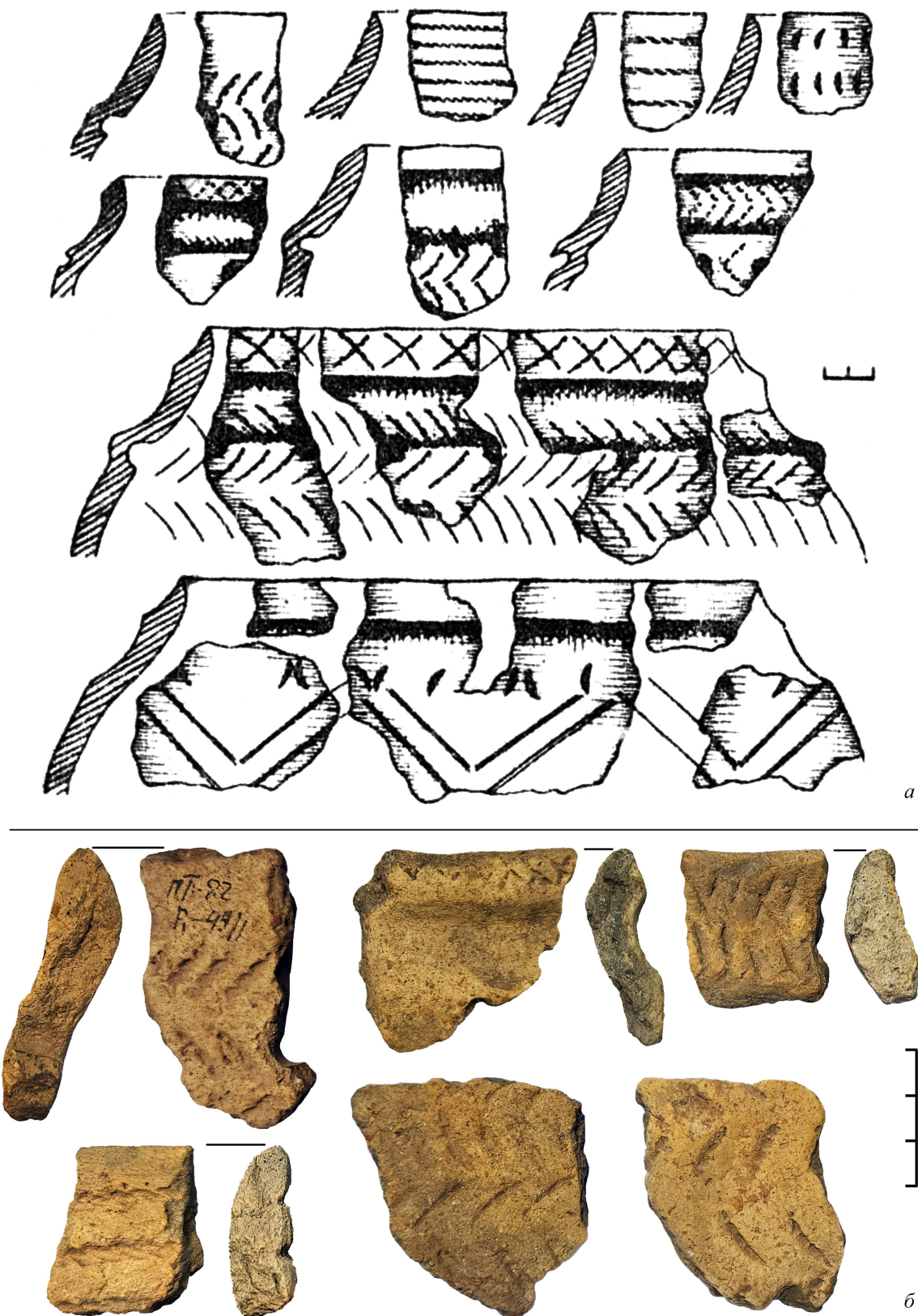

Рис. 7. Керамика «ямно-репинского типа» поселения Терновое (по: [Погорелов, 1984, рис. 7]) и ее фактура (фото А. Скоробогатова)

Fig. 7. “Yamnaya-Repin type” ceramics from the settlement Ternovoye (after: [Pogorelov, 1984, fig. 7]) and its texture (photos by A. Skorobogatov)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Барынкин П. П., 1986. Кызыл-Хак I – новый памятник позднего энеолита Северного Прикаспия // Древние культуры Северного Прикаспия. Куйбышев : Изд-во КГПИ. С. 80–94.
- Беседин В. И., Матвеев Ю. П., 2003. Стратифицированное погребение репинской культуры Подгоренского могильника // Доно-Донецкий регион в эпоху бронзы. Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 17. Воронеж : Изд-во ВГУ. С. 134–141.
- Богданов С. В., 2004. Эпоха меди степного Приуралья. Екатеринбург : УрО РАН. 285 с.
- Братченко С. Н., 1969. Багатошарове поселення Лівенцівка I на Дону // Археологія. Т. XXII. С. 210–231.
- Братченко С. Н., 2001. Донецька катакомбна культура раннього етапу. Т. 1. Луганськ : Шлях. 196 с.
- Васильев И. Б., 1981. Энеолит Поволжья : степь и лесостепь. Куйбышев : Изд-во КГПИ. 129 с.
- Васильев И. Б., Синюк А. Т., 1984. Черкасская стоянка на Среднем Дону // Эпоха меди юга Восточной Европы. Куйбышев : Изд-во КГПИ. С. 102–129.
- Васильев И. Б., Кузнецов П. Ф., Турецкий М. А., 2000. Ямная и полтавкинская культуры // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара : Изд-во СНЦ РАН. С. 6–64.
- Гак Е. И., 2016. Поселение эпохи средней бронзы Рыкань-8 // Археология евразийской лесостепи-степи. Воронеж : Изд-во ВГУ. С. 74–86.
- Гак Е. И., Ивашов М. В., Кайзер Э., 2017. Поселение катакомбной культуры Ксизово-1 на Верхнем Дону: результаты и перспективы комплексных исследований // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе. Т. I. Барнаул : АГУ. С. 226–230.
- Гак Е. И., 2019. Рыкань-3. Поселение скотоводов III тыс. до н.э. в лесостепном Подонье. М. : ГИМ. 172 с.
- Гак Е. И., Кайзер Э., 2025. Радиоуглеродная хронология и археологические материалы поселения Ксизово-1 на Верхнем Дону // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 278. С. 110–128.
- Гей А. Н., 1983. Самсоновское поселение // Древности Дона. М. : Наука. С. 7–34.
- Желудков А. С., Смольянинов Р. В., 2019. Свидетельства контактов населения Донской лесостепи с фатьяновско-балановской КИО (на примере погребальных памятников) // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 256. С. 108–120.
- Ивашов М. В., 2015. Памятники катакомбного времени на Верхнем Дону : дис. ... канд. ист. наук. Воронеж. 312 с.
- Кияшко А. В., 2002. Культурогенез на востоке катакомбного мира. Волгоград : Изд-во ВолГУ. 268 с.
- Кияшко А. В., 2016. Культурные слои эпохи средней бронзы поселения Раздорское I на Нижнем Дону // Внешние и внутренние связи степных (скотоводческих) культур Восточной Европы в энеолите и бронзовом веке (V–II тыс. до н.э.) : материалы круглого стола к 80-летию со дня рождения С.Н. Братченко. СПб. : ИИМК РАН. С. 84–88.
- Кияшко А. В., 2025. Наследие репинской культуры в памятниках периода средней бронзы бассейна реки Дон // XXIII Уральское археологическое совещание : материалы Всерос. (с междунар. участием) науч. конф., Оренбург, 14–18 апр. 2025 г. Т. 1. Оренбург : Изд-во ОГПУ. С. 119–124.
- Котова Н. С., 2013. Деревская культура и памятники Нижнемихайловского типа. Киев ; Харьков : Майдан. 486 с.
- Кузнецов П. Ф., Ковалюх Н. Н., 2008. Датирование керамики ямно-репинского облика в Поволжье // Археология восточноевропейской степи. Вып. 6. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та. С. 194–199.
- Кузнецов П. Ф., 2013. Датировка памятника у Репина Хутора и хронология культурно-родственных материалов эпохи ранней бронзы степной зоны Восточной Европы // Российская археология. № 1. С. 13–21.
- Лагодовська О. Ф., Шапошникова О. Г., Макаревич М. Л., 1962. Михайлівське поселення. Київ : Вид-во АН УРСР. 248 с.
- Манько В. А., Телиженко С. А., 2003. Проблемы абсолютной хронологии мезолита – энеолита Подончья // Материалы и исследования по археологии Восточной Украины. № 1. Луганск : Вид-во СНУ ім. В. Даля. С. 31–64.
- Маслихова Л. И., 2009. Инокультурные влияния в керамике погребений среднедонской катакомбной культуры // Археология восточноевропейской лесостепи. Воронеж : Изд-во ВГУ. С. 19–26.
- Мимоход Р. А., 2009. Курганы эпохи бронзы – раннего железного века в Саратовском Поволжье. М. : Таус. 292 с.

- Моргунова Н. Л., 2001. Проблемы изучения ямной культуры Южного Приуралья // XII Уральское археологическое совещание : тез. докл. Оренбург : ОГПУ. С. 97–98.
- Моргунова Н. Л., 2014. Приуральская группа памятников в системе волжско-уральского варианта ямной культурно-исторической области. Оренбург : Изд-во ОГПУ. 348 с.
- Мочалов О. Д., 2010. Источники и история изучения керамики ямной культуры Среднего Поволжья и Южного Урала // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 12, № 2. С. 260–267.
- Николова А. В., 2002. О месте «репинских» памятников в ямной культурно-исторической общности: некоторые вопросы историографии // Проблемы археології Подніпро'я. Дніпропетровськ : Изд-во ДНУ. С. 37–59.
- Ноздреватых С. А., Гак Е. И., Ивашов М. В., 2024. Раскопки поселения бронзового века Ксизово-1 // Археологические исследования в Центральном Черноземье. Липецк ; Воронеж : Славянская. С. 129–132.
- Погорелов В. И., 1984. Поселение Терновое в лесостепном Подонье // Эпоха меди юга Восточной Европы. Куйбышев : КГПИ. С. 140–154.
- Потемкина Т. М., Дегтярева А. Д., 2007. Металл ямной культуры Притоболья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Вып. 8. С. 18–39.
- Пряхин А. Д., Синюк А. Т., 1980. Новые материалы по неолиту и энеолиту Среднего Дона с Шиловского поселения // Энеолит Восточной Европы. Куйбышев : Изд-во КГПИ. С. 73–92.
- Салугина Н. П., 2005. Технология керамики репинского типа из погребений древнеямной культуры Волго-Уралья // Российская археология. № 3. С. 85–92.
- Санжаров С. Н., Бритюк А. А., Котова Н. С., Черных Е. А., 2000. Поселения неолита – ранней бронзы Северского Донца. Луганск : Вид-во СНУ ім. В. Даля. 128 с.
- Синюк А. Т., 1981а. Репинская культура эпохи энеолита – бронзы в бассейне Дона // Советская археология. № 4. С. 8–20.
- Синюк А. Т., 1981б. Стоянка Копанице 2 // Эпоха бронзы Волго-Уральской лесостепи. Воронеж : Изд-во ВГУ. С. 104–114.
- Синюк А. Т., 1996. Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж : Изд-во ВГПУ. 350 с.
- Скоробогатов А. М., 2018. Керамика эпохи ранней бронзы с поселений Донской лесостепи // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева : материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Самара : Изд-во СГСПУ. С. 164–167.
- Скоробогатов А. М., 2019. Древнеямная культурно-историческая общность на Среднем и Верхнем Дону: итоги и перспективы исследований // Феномены культур раннего бронзового века степной и лесостепной полосы Евразии: пути культурного взаимодействия в V–III тыс. до н.э. Оренбург : Изд-во ОГПУ. С. 139–144.
- Трифонов В. А., 1996. Репинская культура и процесс сложения ямной культурно-исторической общности // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века : материалы Междунар. науч. конф. Волгоград : Перемена. С. 3–5.
- Турецкий М. А., 2001. О периодизации и хронологии ямных памятников Самарского Поволжья // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация : материалы Междунар. науч. конф. «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы». Самара : Изд-во НТЦ. С. 125–129.
- Файферт А. В., 2014. Курганные погребения раннего бронзового века Нижнего Подонья (свод археологических источников). Ростов н/Д. 500 с.
- Шапошникова О. Г., 1987. Эпоха раннего металла в степной полосе Украины // Древнейшие скотоводы степей юга Украины. Киев : Наукова Думка. С. 3–16.

REFERENCES

- Barynkin P.P., 1986. Kyzyl-Khak I – novyy pamyatnik pozdnego eneolita Severnogo Prikaspiya [Kyzyl-Khak I – A New Site of the Late Eneolithic of the Northern Caspian Region]. *Drevnie kultury Severnogo Prikaspiya* [Ancient Cultures of the Northern Caspian Region]. Kuybyshev, KSPI, pp. 80-94.

- Besedin V.I., Matveev Yu.P., 2003. Stratifitsirovanoe pogrebenie repinskoy kultury Podgorenskogo mogilnika [Stratified Burial of the Repino Culture of the Podgorensky Burial Ground]. *Dono-Donetskiy region v epohu bronzy. Arkheologiya vostochnoevropeyskoy lesostepi* [The Don-Donetsk Region in the Bronze Age. Archaeology of the Eastern European Forest-Steppe], iss. 17. Voronezh, VSU, pp. 134-141.
- Bogdanov S.V., 2004. *Epoha medi stepnogo Priuralya* [Copper Age of the Ural Steppe]. Ekaterinburg, UB RAS. 285 p.
- Bratchenko S.N., 1969. Bagatosharove poselennya Liventsivka I na Donu [Multi-Layered Settlement of Liventsivka I on the Don]. *Arkheologiya* [Archaeology], vol. XXII, pp. 210-231.
- Bratchenko S.N., 2001. *Doneczka katakombna kultura rannyyogo etapu* [Donetsk Catacomb Culture of the Early Stage], vol. 1. Lugansk, Shlyah Publ. 196 p.
- Vasilyev I.B., 1981. *Eneolit Povolzhya: step i lesostep* [Eneolith of the Volga Region: Steppe and Forest-Steppe]. Kujbyshev, KSPI. 129 p.
- Vasilyev I.B., Sinyuk A.T., 1984. Cherkasskaya stoyanka na Srednem Donu [The Cherkasiy Camp on the Middle Don]. *Epoha medi yuga Vostochnoy Evropy* [Copper Age of Southern Eastern Europe]. Kuybyshev, KSPI, pp. 102-129.
- Vasilyev I.B., Kuznetsov P.F., Turetskiy M.A., 2000. Yamnaya i poltavkinskaya kultury [Yamna and Poltavka Cultures]. *Istoriya Samarskogo Povolzhya s drevneyshih vremen do nashih dney. Bronzovyy vek* [History of the Samara Volga Region from Ancient Times to the Present Day. Bronze Age]. Samara, SNC RAS, pp. 6-64.
- Gak E.I., 2016. Poselenie epohi sredney bronzy Rykan-8 [The Middle Bronze Age Settlement Rykan-8]. *Arkheologiya evraziyskoy lesostepi-stepi* [Archaeology of the Eurasian Forest-Steppe – Steppe]. Voronezh, VSU, pp. 74-86.
- Gak E.I., Ivashov M.V., Kaiser E., 2017. Poselenie katakombnoy kultury Ksizovo-1 na Verkhnem Donu: rezultaty i perspektivy kompleksnyh issledovaniy [The Settlement of the Catacomb Culture Ksizovo-1 on the Upper Don: Results and Prospects of Complex Research]. *Trudy V (XXI) Vserossiyskogo arkheologicheskogo syezda v Barnaule – Belokurihe* [Proceedings of the 5th (21st) All-Russian Archaeological Congress in Barnaul – Belokurikha], vol. I. Barnaul, ASU, pp. 226-230.
- Gak E.I., 2019. *Rykan-3. Poselenie skotovodov III tys. do n.e. v lesostepnom Podonye* [Rykan-3. Cattle-Breeding Settlement 3rd Mill. BC in the Forest-Steppe of the Don Region]. Moscow, SHM. 172 p.
- Gak E.I., Kaiser E., 2025. Radiouglerodnaya khronologiya i arkheologicheskie materialy poseleniya Ksizovo-1 na Verkhnem Donu [Radiocarbon Chronology and Archaeological Materials from the Ksizovo-1 Settlement in the Upper Don Region]. *Kratkie soobshheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], iss. 278, pp. 110-128.
- Gey A.N., 1983. Samsonovskoe poselenie [Samsonovskoye Settlement]. *Drevnosti Dona* [Antiquities of the Don]. Moscow, Nauka Publ., pp. 7-34.
- Zheludkov A.S., Smolyaninov R.V., 2019. Svidetelstva kontaktov naseleniya Donskoy lesostepi s fatyanovskobalanovskoy KIO (na primere pogrebalnyh pamyatnikov) [Evidence of Contacts Between the Population of the Don Forest-Steppe and the Fatyanovo-Balanovo Culture (the Case Study of Burial Sites)]. *Kratkie soobshheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], iss. 256, pp. 108-120.
- Ivashov M.V., 2015. *Pamyatniki katakombnogo vremeni na Verhnem Donu: dis. ... kand. ist. nauk* [Sites of the Catacomb Period on the Upper Don. Cand. hist. sci. diss.]. Voronezh. 312 p.
- Kiyashko A.V., 2002. *Kulturogenез na vostoке katakombnogo mira* [Cultural Genesis in the East of the Catacomb World]. Volgograd, VolSU. 268 p.
- Kiyashko A.V., 2016. Kulturnye sloi epohi sredney bronzy poseleniya Razdorskoe I na Nizhnem Donu [Cultural Layers of the Middle Bronze Age Settlement of Razdorskoye I on the Lower Don]. *Vneshnie i vnutrennie svyazi stepnyh (skotovodcheskih) kultur Vostochnoy Evropy v eneolite i bronzovom veke (V–II tys. do n.e.): materialy kruglogo stola k 80-letiyu so dnya rozhdeniya S.N. Bratchenko* [External and Internal Connections of the Steppe (Pastoral) Cultures of Eastern Europe in the Eneolithic and Bronze Age (5th – 2nd Mill. BC). Proceedings of the Round Table for the 80th Anniversary of S.N. Bratchenko’s Birth]. Saint Petersburg, IHMC RAS, pp. 84-88.
- Kiyashko A.V., 2025. Nasledie repinskoy kultury v pamyatnikah perioda sredney bronzy basseyna reki Don [The Legacy of the Repin Culture in the Sites of the Middle Bronze Age in the Don River Basin]. *XXIII Uralskoe arkheologicheskoe soveshhanie: materialy Vseros. (s mezhdunar. uchastiem) nauch. konf., Orenburg*

- 14–18 apr. 2025 g. [23th Ural Archaeological Meetings. Proceedings of the All-Russian (With International Participation) Scientific Conference], vol. 1. Orenburg, OSPU, pp. 119-124.
- Kotova N.S., 2013. *Dereivskaya kultura i pamyatniki Nizhnemikhaylovskogo tipa* [Dereivskaya Culture and Sites of the Nizhnemikhaylovsky Type]. Kiev, Harkov, Maydan Publ. 486 p.
- Kuznetsov P.F., Kovalyux N.N., 2008. Datirovanie keramiki yamno-repinskogo oblika v Povolzhye [Dating of Yamna-Repin Type Ceramics in the Volga Region]. *Arkheologiya vostochnoevropeyskoy stepi* [Archaeology of the Eastern European Steppe], iss. 6. Saratov, SSU, pp. 194-199.
- Kuznetsov P.F., 2013. Datirovka pamyatnika u Repina Khutora i khronologiya kulturno-rodstvennykh materialov epokhi ranney bronzy stepnoy zony Vostochnoy Evropy [Dating of the Monument at Repin Khutor and the Chronology of Culturally Related Materials from the Early Bronze Age of the Steppe Zone of Eastern Europe]. *Rossiyskaya arheologiya* [Russian Archeology], no. 1, pp. 13-21.
- Lagodovska O.F., Shaposhnikova O.G., Makarevich M.L., 1962. *Mikhaylivske poselennya* [The Mykhailivske Settlement]. Kiev, AS USSR. 248 p.
- Manko V.A., Telizhenko S.A., 2003. Problemy absolyutnoy khronologii mezolita – eneolita Podonechya [Problems of Absolute Chronology of the Mesolithic – Eneolithic of the Podoneshche]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Vostochnoy Ukrainy* [Materials and Research in the Archeology of Eastern Ukraine], no. 1. Lugansk, SNU im. V. Dalya, pp. 31-64.
- Maslikhova L.I., 2009. Inokulturnye vliyaniya v keramike pogrebeniy srednedonskoy katakombnoy kultury [Foreign Cultural Influences in the Ceramics of Burials of the Middle Don Catacomb Culture]. *Arkheologiya vostochnoevropeyskoy lesostepi* [Archaeology of the Eastern European Forest-Steppe]. Voronezh, VSU, pp. 19-26.
- Mimoxod R.A., 2009. *Kurgany epokhi bronzy – rannego zheleznogo veka v Saratovskom Povolzhye* [Bronze Age – Early Iron Age Burial Mounds in the Saratov Volga Region]. Moscow, Taus Publ. 292 p.
- Morgunova N.L., 2001. Problemy izucheniya yamnoy kultury Yuzhnogo Priuralya [Problems of Studying the Yamnaya Culture of the Southern Urals]. *XII Uralskoe arkheologicheskoe soveshhanie: tez. dokl.* [12th Ural Archaeological Meeting. Abstracts of the Reports]. Orenburg, OSPU, pp. 97-98.
- Morgunova N.L., 2014. *Priuralskaya grupa pamyatnikov v sisteme volzhsko-uralskogo varianta yamnoy kulturno-istoricheskoy oblasti* [The Ural Group of the Sites in the System of the Volga-Ural Variant of the Yamnaya Cultural-Historical Region]. Orenburg, OSPU. 348 p.
- Mochalov O.D., 2010. Istochniki i istoriya izucheniya keramiki yamnoy kultury Srednego Povolzhya i Yuzhnogo Urala [Sources and History of the Study of Ceramics of the Yamnaya Culture of the Middle Volga and the Southern Urals]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN* [Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], vol. 12, no. 2, pp. 260-267.
- Nikolova A.V., 2002. O meste «repinskih» pamyatnikov v yamnoy kulturno-istoricheskoy obshhnosti: nekotorye voprosy istoriografii [On the Place of “Repin” Sites in the Yamnaya Cultural and Historical Community: Some Questions of Historiography]. *Problemy arkheologii Podniprovyia* [Problems of Archaeology of the Dnieper Region]. Dnepropetrovsk, DNU, pp. 37-59.
- Nozdrevatyh S.A., Gak E.I., Ivashov M.V., 2024. Raskopki poseleniya bronzovogo veka Ksizovo-1 [Excavations of the Bronze Age Settlement Ksizovo-1]. *Arkheologicheskie issledovaniya v Tsentralnom Chernozemye* [Archaeological Research in the Central Black Earth Region]. Lipetsk, Voronezh, Slavyanskaya Publ., pp. 129-132.
- Pogorelov V.I., 1984. Poselenie Ternovoe v lesostepnom Podonye [The Settlement of Ternovoye in the Forest-Steppe Don Region]. *Epoha medi yuga Vostochnoy Evropy* [The Copper Age of the South of Eastern Europe]. Kuybyshev, KSPI, pp. 140-154.
- Potemkina T.M., Degtyareva A.D., 2007. Metall yamnoy kultury Pritobolya [Metal of the Yamnaya Culture of the Tobol Region]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography], iss. 8, pp. 18-39.
- Pryakhin A.D., Sinyuk A.T., 1980. Novye materialy po neolitu i eneolitu Srednego Dona s Shilovskogo poseleniya [New Materials on the Neolithic and Eneolithic of the Middle Don from the Shilovskoye Settlement]. *Eneolit Vostochnoy Evropy* [Eneolith of Eastern Europe]. Kuybyshev, KSPI, pp. 73-92.
- Salugina N.P., 2005. Tekhnologiya keramiki repinskogo tipa iz pogrebeniy drevneyamnoy kultury Volgo-Uralya [Repin-Khutor Type’s Pottery Technology from Pit-Grave Culture in the Volga-Urals Region]. *Rossiyskaya arheologiya* [Russian Archeology], no. 3, pp. 85-92.

- Sanzharov S.N., Britiyuk A.A., Kotova N.S., Chernyh E.A., 2000. *Poseleniya neolita – ranney bronzy Severskogo Donca* [Neolith – Early Bronze Age Settlements of the Seversky Donets]. Lugansk, SNU im. V. Dalya. 128 p.
- Sinyuk A.T., 1981a. Repinskaya kultura epohi eneolita – bronzy v bassejne Dona [The Repin Culture of the Eneolith – Bronze Age in the Don Basin]. *Sovetskaya arheologiya* [Soviet Archeology], no. 4, pp. 8-20.
- Sinyuk A.T., 1981b. Stoyanka Kopanishhe 2 [The Campsite Kopanishhe 2]. *Epoha bronzy Volgo-Uralskoy lesostepi* [Bronze Age of the Volga-Ural Forest-Steppe]. Voronezh, VSU, pp. 104-114.
- Sinyuk A.T., 1996. *Bronzovyy vek basseyna Dona* [Bronze Age of the Don Basin]. Voronezh, VSPU. 350 p.
- Skorobogatov A.M., 2018. Keramika epohi ranney bronzy s poseleniy Donskoy lesostepi [Early Bronze Age Ceramics from Settlements in the Don Forest-Steppe]. *XXI Uralskoe arkheologicheskoe soveshhanie, posvyashhennoe 85-letiyu so dnya rozhdeniya G.I. Matveevoy i 70-letiyu so dnya rozhdeniya I.B. Vasilyeva: materialy Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem* [21st Ural Archaeological Conference Dedicated to the 85th Anniversary of the Birth of G.I. Matveeva and the 70th Anniversary of the Birth of I.B. Vasiliev. Proceedings of the All-Russian Scientific Conference with International Participation]. Samara, SSPU, pp. 164-167.
- Skorobogatov A.M., 2019. Drevneyamnaya kulturno-istoricheskaya obshhnost na Srednem i Verhnem Donu: itogi i perspektivy issledovaniy [Ancient Pit Grave Cultural and Historical Community on the Middle and Upper Don: Results and Prospects of Research]. *Fenomeny kultur rannego bronzovogo veka stepnoy i lesostepnoy polosy Evrazii: puti kuturnogo vzaimodeystviya v V–III tys. do n.e.* [Phenomena of the Early Bronze Age Cultures of the Steppe and Forest-Steppe Belt of Eurasia: Paths of Cultural Interaction in the 5th – 3rd Mill. BC]. Orenburg, OSPU, pp. 139-144.
- Trifonov V.A., 1996. Repinskaya kultura i process slozheniya yamnoy kulturno-istoricheskoy obshhnosti [The Repin Culture and the Process of Formation of the Yamnaya Cultural and Historical Community]. *Drevnosti Volgo-Donskih stepey v sisteme vostochnoevropeyskogo bronzovogo veka: materialy Mezhdunar. nauch. konf.* [Antiquities of the Volga-Don Steppes in the System of the Eastern European Bronze Age. Proceedings of the International Scientific Conference]. Volgograd, Peremena Publ., pp. 3-5.
- Turetskiy M.A., 2001. O periodizatsii i khronologii yamnyh pamyatnikov Samarskogo Povolzhya [On the Periodization and Chronology of Pit Sites of the Samara Volga Region]. *Bronzovyy vek Vostochnoy Evropy: kharakteristika kultur, khronologiya i periodizatsiya: materialy Mezhdunar. nauch. konf. «K stoletiyu periodizatsii V.A. Gorodtsova bronzovogo veka yuzhnoy poloviny Vostochnoy Evropy»* [Bronze Age of Eastern Europe: Characteristics of Cultures, Chronology and Periodization. Proceedings of the International Scientific Conference “On the Centenary of V.A. Gorodtsov’s Periodization of the Bronze Age in the Southern Half of Eastern Europe”]. Samara, NTC, pp. 125-129.
- Faifert A.V., 2014. *Kurgannye pogrebeniya rannego bronzovogo veka Nizhnego Podonya (svod arkheologicheskikh istochnikov)* [Early Bronze Age Burial Mounds of the Lower Don Region (A Collection of Archaeological Sources)]. Rostov-on-Don. 500 p.
- Shaposhnikova O.G., 1987. Epoha rannego metalla v stepnoy polose Ukrainy [The Early Metal Age in the Steppe Belt of Ukraine]. *Drevneyshie skotovody stepey yuga Ukrainy* [The Most Ancient Cattle Breeders of the Steppes of Southern Ukraine]. Kiev, Naukova Dumka Publ., pp. 3-16.

Information About the Authors

Evgenii I. Gak, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, State Historical Museum, Red Square, 1, 109012 Moscow, Russian Federation; Researcher, Laboratory of Archaeological Soil Science, Institute of Physicochemical and Biological Problems in Soil Science of the Russian Academy of Sciences, Institutskaya St, 2a, 142290 Pushchino, Russian Federation, e.i.gak@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9889-449X>

Andrey M. Skorobogatov, Candidate of Sciences (History), Researcher, Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Dvortsovaya Emb., 18A, 191181 Saint Petersburg, Russian Federation, a.m.skorobogatov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1960-9855>

Информация об авторах

Евгений Игоревич Гак, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Государственный исторический музей, Красная площадь, 1, 109012 г. Москва, Российская Федерация; научный сотрудник лаборатории археологического почвоведения, Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, ул. Институтская, 2а, 142290 г. Пушкино, Российская Федерация, e.i.gak@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9889-449X>

Андрей Михайлович Скоробогатов, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., 18А, 191181 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, a.m.skorobogatov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1960-9855>